

ЧЕРТЫ РОМАНА ИНИЦИАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д.ТАРТТ

Низамова Мунира,

доцент, Национальный университет Узбекистана

G-mail: munira.nizamova22@gmail.com

ORCID ID:0009-0000-6132-3557;

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности произведений американской писательницы Донны Тартт «Маленький друг» и «Щегол», традиционно относящихся к жанру романа воспитания. Сохраняя основные жанрообразующие черты романа воспитания, произведения Тартт обладают рядом особенностей, позволяющих отнести их к разновидности романа инициации: герой-подросток, изображение этапов его взросления и вступления во взрослую жизнь, поиск и осознание героем своей идентичности, насыщенность сюжета событиями, влияющими на поступки героя, а также мотивы одиночества, отчуждения и преодоления трудностей.

Ключевые слова: роман воспитания, роман инициации, герой-подросток, взросление, социальная адаптация, идентичность, исповедальность, Донна Тартт.

Annotatsiya. Maqolada amerikalik yozuvchi Donna Tarttning an'anaviy ravishda tarbiya romani janriga mansub deb qaraladigan "Kichik do'st" va "Zarg'aldoq qush" romanlarining janr xususiyatlari tahlil qilinadi. Tartt asarlari tarbiya romanining asosiy janr belgilari saqlangan holda, ularni initsiatsiya (kamolotga yetish) romanining bir turi sifatida ham baholash imkonini beradigan qator o'ziga xos jihatlariga ega. Jumladan, asarlarda o'smir qahramon obrazi, uning ulg'ayish va kattalar hayotiga kirib borish bosqichlari, o'z shaxsiy identifikatsiyasini izlash va anglash jarayoni, qahramon xatti-harakatlariga ta'sir ko'rsatuvchi voqealarga boy syujet, shuningdek, yolg'izlik, begonalashuv va qiyinchiliklarni yengib o'tish motivlari muhim o'rin tutadi.

Kalit so'zlar: tarbiya romani, initsiatsiya romani, o'smir qahramon, ulg'ayish, ijtimoiy moslashuv, identiklik, e'tirofiylik, Donna Tartt.

Abstract. This article examines the genre features of the works of American writer Donna Tartt, *The Little Friend* and *The Goldfinch*, traditionally classified as bildungsroman. While preserving the core genre-defining features of the bildungsroman, Tartt's novels demonstrate a number of characteristics that allow them to be regarded as initiation novels: a teenage protagonist, the depiction of stages of maturation and entry into adulthood, the protagonist's search for and awareness of identity, a plot rich in events that influence the character's development, as well as motifs of loneliness, alienation, and overcoming difficulties.

Keywords: bildungsroman, initiation novel, teenage hero, coming of age, social adaptation, identity, confessional novel, Donna Tartt.

Введение. Донна Луиза Тартт (Donna Louise Tartt; род. 1963г.) – лауреат Пулитцеровской премии 2014 года за роман «Щегол», названный критиками событием десятилетия. Произведения Д. Тартт соединяют в себе черты семейного, психологического, университетского романа. В то же время в книгах Тартт отчетливо просматриваются черты романа инициации, тесно связанного с романом воспитания. Как отмечает Н. С. Шалимова: «Сохраняя его основные жанрообразующие характеристики, он трансформирует их, представляя инвариантную форму этого жанра».[4]

Анализ литературы. В данной статье рассматриваются романы Донны Тартт «Маленький друг» и «Щегол» в контексте жанра романа инициации и романа

воспитания. Исследователи отмечают, что в этих произведениях центральное место занимает процесс становления личности подростка, поиск идентичности, а также проблемы одиночества и социальной адаптации.

В работах Н. С. Шалимовой и других авторов роман инициации трактуется как инвариантная форма романа воспитания, где основное внимание уделяется внутреннему развитию героя и его жизненным испытаниям. Подчеркивается, что жанр характеризуется трехчастной структурой сюжета, ретроспективностью и психологической глубиной.

В целом литературные источники подтверждают, что произведения Донны Тартт представляют собой современную модификацию классического «bildungsroman», переходящую в форму романа инициации.

Методология исследования. При анализе романов Тартт в данной статье использованы приемы герменевтического и семантического подходов к художественному тексту. Содержание романа инициации составляет процесс становления личности подростка, его вхождения во взрослую жизнь. Роману инициации свойственны черты, не всегда присутствующие в романе воспитания: это герой-подросток, переживающий кризис, ищущий себя и осознающий себя самостоятельной личностью; трехчастная структура, связанная с этапами взросления героя; динамичный, насыщенный событиями сюжет; исповедальная интонация; философская проблематика.

Анализ и результаты. «Маленький друг» (The Little Friend, 2002) – история о том, как тринадцатилетняя Гарриет решает восстановить справедливость, найдя и наказав убийцу своего брата Робина, погибшего при загадочных обстоятельствах десять лет назад. Действие романа происходит в вымышленном городе Александрия на юге США в 1970-х годах, но воспоминания Гарриет возвращают повествование в прошлое. Открывающая роман фраза – «Всю оставшуюся жизнь Шарлот Клив будет винить себя в смерти сына. Потому что она решила устроить ужин в честь Дня матери в шесть часов вечера, а не в полдень, после церкви, как это обычно бывает у Кливов» – вобрала в себя всю его тематику.[2.11] Это темы вины, воспитания, роли церкви и религии, традиций и устоев, играющих важную роль в жизни американского Юга, тема прошлого, памяти и забвения. С образом Гарриет, в одиночку пытающейся решить серьезные проблемы, которые подчас не под силу решить и взрослому, связана тема одиночества, неприкаянности подростка. В такой ситуации находится не только она, но и ее сестра – отец не живет с семьей, а мать вся ушла в переживания: потеряв сына, она потеряла себя, утратила смысл существования. Девочка полна решимости выполнить задуманное, она хочет не только отомстить убийце, но и заставить мать выйти из разрушающего ее психику состояния, обратить внимание на живых – одиноких, заброшенных, жаждущих любви и внимания дочерей.

Гарриет из внешне благополучной семьи, но одинока рядом с тетушками и бабушками, которым нет дела до нее. После смерти бабушки и увольнения служанки Иды, вырастившей Гарриет и ее сестру и заменившей им мать, девочка оказывается в отчаянном положении: «Ида уехала, Либби умерла, и все теперь было ужасно и неправильно».[2.436] Гарриет с неприязнью думает об окружающих ее взрослых: «Их всех, так или иначе жизнь забила настолько, что они не желали сопротивляться ее свирепым атакам. “Это Жизнь! – говорили они. – Это Жизнь, Гарриет, вырастешь, сама поймешь, что это так“. Так вот, она не собиралась ждать, пока эта самая Жизнь закует ее в оковы с ног до головы. Она будет действовать сейчас, пока ее чувства не остыли, пока выдерживают нервы и пока у нее есть опора – ее собственное гигантское одиночество. Никто не поможет ей, никто и никогда».[2.489-490]

Девочка обвиняет в смерти брата его одноклассника Дэнни Рэтлиффа. Единственное, что придавало существованию Гарриет какой-то смысл, была месть, которую она приготовила Дэнни. Ей не с кем поделиться своими сомнениями и опасениями, нет старшего, который выслушал бы ее, дал совет, и потому ее попытка убить Дэнни чуть не заканчивается трагически. Гарриет приходится самой разбираться с результатами совершенного.

Трудна судьба и других героев-подростков романа. Выросший в неблагополучной семье, Дэнни Рэтлифф остро ощущает свою ненужность и отчужденность от жестокого отца, братьев и бабушки. Доведенный до отчаяния издевательствами старшего брата Фериша, приучившего его к наркотикам и заставляющего его заниматься их сбытом, Дэнни убивает его. Одинок и предоставлен самому себе единственный друг Гарриет Хилли, брошены на произвол судьбы и дети бедняков, появляющиеся на страницах книги.

Одним из смысловых центров романа инициации является процесс взросления подростка, связанный с преодолением испытаний, борьбой со злом, с одиночеством, разочарованием, потерей близких, открытием сложности и противоречивости мира. Итогом испытаний Гарриет является открытие, что Дэнни не убивал Робина, на самом деле только он и был его единственным настоящим другом. Слова, раскрывающие смысл заглавия романа, в финале произносит отец девочки: «Помнишь его? Маленький друг Робина. Он иногда приходил к нам во двор, они вместе играли». «Друг? ...сердце у нее колотилось до того бешено, что она усилием воли сдержалась, чтобы не задрожать... Сомнения одолевали ее все сильнее, а вместе с сомнениями пришел и страх, что она, сама того не зная, совершила что-то ужасное».[2.622] Слова отца заставляют Гарриет полностью переосмыслить свои поступки и чувства и свое отношение к Дэнни. Так происходит взросление, понимание сложности жизни, осознание ответственности за свои поступки.

В интервью Донна Тартт признавалась: «Я чувствую себя намного сильнее после «Маленького друга». Я чувствую, что расширила свой диапазон как писатель. Я сделала много технических вещей, которые не делала в «Тайной истории», не пыталась. У этого романа много разных точек зрения, широкий спектр символов...» [1]. «Маленький друг» действительно отличается от первого романа Тартт «Тайная история». Он органично вписывается в традицию романа воспитания, в американской литературе берущей начало в творчестве Л.М. Олкотт (заглавие романа Тартт, уход отца из семьи – прямые отсылки к роману Олкотт «Маленькие женщины»), М. Твена, Д. Лондона, а в XX веке продолженную в произведениях Т. Капоте, Дж. Сэлинджера, Х. Ли. Возраст героев Тартт также указывает на принадлежность ее книг к роману инициации: герою «Тайной истории» Ричарду Пейпену 17 лет, Гарриет и Тео Деккеру, герою романа «Щегол» – 13 лет.

В последнем на сегодняшний день романе «Щегол» (The Goldfinch, 2013) Д. Тартт вернулась к уже высказанной ею раньше мысли о «невосполнимой ущербности всего мироустройства», которая ведет к трагическим случайностям. Но если толчком к событиям в предыдущих романах был случай, то в «Щегле» показано, что добро и зло – неотъемлемая часть человеческой жизни. Потому одной из главных тем романа стала борьба добра и зла в душе героя и в окружающем его мире. У тринадцатилетнего Тео в результате террористического акта погибла мама, единственный близкий ему человек. В музее, где Тео с матерью находились в момент взрыва, умирающий старик попросил отнести уцелевшую картину по адресу. Тео не отнес – потому, что сначала находился в шоке от гибели матери, а потом уже не мог: картина, «Щегол», стала единственной ниточкой, которая связывала его со временем, когда мама была жива, со счастливым и навсегда утраченным прошлым.

«Щегол», по признанию Тартт, «гораздо более обширная книга во всех аспектах: социальных и межпоколенческих». [1]. Автор подробно показывает процесс формирования характера и дальнейшую судьбу героя. Люди, с которыми в этот сложный период вынужденной самостоятельности и вхождения в жизнь сталкивается Тео, играют в его жизни важную роль. Как пишет Тартт в начале романа, «под воздействием обстоятельств он становится то примерным сыном, то отпетым мошенником, то безнадежным наркоманом, то влюбленным романтиком, то честным и трудолюбивым помощником, то загнанным преступником». [3.3] Тео сталкивается как с положительным воздействием окружающих – это прежде всего, реставратор Джером Хобарт (ему Тео должен был передать картину), так и с негативным – отец и в определенной степени друг Борис; одни воплощают добро, другие – зло. Однако понятия эти относительны. Хобарт, единственный после матери близкий Тео человек, заботящийся о нем, искренне привязан к нему. Помощь, которую он оказал мальчику, неоценима. Но, чтобы найти себя, состояться

как личность мальчик должен сам пройти через трудности и испытания, тогда и сможет понять, что есть добро и нравственность.

Отец Тео, приютивший его, чтобы иметь возможность распоряжаться деньгами, собранными бывшей женой для дальнейшей учебы сына, косвенно виноват в пристрастии Тео к наркотикам. Человек безответственный и эгоистичный, алкоголик, он не может быть наставником, другом, примером для сына, но отрицательный пример – тоже пример, и Тео понимает, что путь отца он не хочет повторить.

Особое место в жизни Тео занимает Борис, его друг, такой же подросток, немного старше. С детских лет предоставленный себе, он вырос как сорняк, привыкший надеяться только на себя, он имеет свое мнение о людях и жизни. Борис оказал большое, в целом негативное, влияние на Тео в формировании взглядов на нравственные ценности: не без этого влияния уже взрослый Тео пускается в махинации, торгуя антиквариатом. Парадоксально, но спасает его от заслуженного и неминуемого наказания тот же самый Борис, вращающийся в криминальных кругах. И не только от наказания: не пояись Борис, Тео окончательно погряз бы в преступных делах. Думается, под маской циничного, ни во что не верящего Бориса скрывается ребенок – недолюбленный, заброшенный, пронесший через свою не очень длинную жизнь боль одиночества и неприкаянности.

Такая же судьба уготована и Тео. Но в его жизни есть нечто, что олицетворяет абсолютное добро – картина «Щегол» Карела Фабрициуса, ученика Рембрандта и учителя Вермеера. Экфрасис «Щегла» можно назвать главным героем книги; он выполняет сюжетобразующую роль и характеризует персонажей. Картина появляется в романе в самые драматические, поворотные в жизни Тео моменты. Тартт признавалась, что именно «Щегол» как нельзя лучше подошел для ее цели – «передать трагедию гибели искусства в современном мире, одновременно изобразив одержимость ребенка произведением живописи».[5]

На всем протяжении действия романа читатель видит картину глазами Тео. Первое знакомство с картиной не оказало на мальчика особого впечатления – он отстал от матери, и мысли его были заняты тем, чтобы ее найти: «Я отступил назад, чтобы получше рассмотреть картину. Птичка была серьезной, деловитой – никакой сентиментальности, – и то, как ловко, ладно вся она подобралась на жердочке, ее яркость и тревожный, настороженный взгляд напомнили мне детские фотографии моей матери – темноголового щегла с внимательными глазами».[3.35] Не расставаясь с тщательно упакованной и укутанной в наволочку картиной, Тео, однако, редко рассматривает ее: возвращается боль от утраты матери: «От одного вида запеленутой картины внутри у меня все перевернулось, будто прорвался спутниковый сигнал из прошлого и заглушил все остальные волны... Торчавший из сумки уголок наволочки основательно шарахнул меня током, по вискам, будто

электричеством щелкнуло...».[3.507-508] Изредка, в самые тягостные моменты герой все же рассматривает картину; и она рождает в душе подростка светлые, чистые чувства, очищая ее от всего жестокого и страшного, с чем ему пришлось столкнуться: «Стоило потянуться за ней, и внутри просыпался какой-то простор, размах и подъем».[3.325-326] В отличие от Тео, Борис называет картину «миленькой и красивой». Его не коснулось то, что произошло с Тео: искусство, символом которого в романе является «Щегол», стало для него откровением, позволяя проникнуть в глубинный смысл написанного художником, а через это открытие постигнуть связь всего, например, увидеть символический смысл в трагической смерти Фабрициуса и своей матери, и прийти к пониманию смысла всего сущего и своего существования: «Картина была мне опорой и оправданием, поддержкой и сутью».[3.509] Картина изменила Тео: «Я переменялся, а картина – нет. Я глядел, как лентами на нее ложится свет, и меня вдруг замутило от собственной жизни, которая по сравнению с картиной вдруг показалась мне бесцельным, скоротечным выбросом энергии, шипением биологических помех, таким же хаотичным, как мелькающие за окнами огни фонарей» .[3.721]

Анализ романов Тартт «Маленький друг» и «Щегол» позволяет сделать вывод: роман инициации, сохраняя сюжетобразующие черты романа воспитания, концентрирует внимание на переходном возрасте героя, его взрослении и возможностях социальной адаптации, осознании им собственной идентичности. Особенностью поэтики жанра являются исповедальность, насыщенность событиями, где ключевую роль играют события, которые двигают сюжет и влияют на героя, ретроспективная композиция, сюжетная структура поиска, мотив преодоления.

Заключение. Анализ романов Донны Тартт «Маленький друг» и «Щегол» показывает, что данные произведения, сохраняя традиционные черты романа воспитания, представляют собой современную разновидность романа инициации. Основное внимание в них сосредоточено на процессе взросления подросткового героя, формировании его личности, поиске идентичности и преодолении жизненных испытаний.

Важную роль в структуре произведений играют мотивы одиночества, внутреннего конфликта и социальной адаптации, а также динамичное развитие сюжета и психологическая глубина образов. Ретроспективная композиция и исповедальная интонация усиливают художественное раскрытие темы становления личности.

Таким образом, романы Д. Тартт демонстрируют трансформацию жанра «романа воспитания» в более сложную и современную форму — роман инициации.

Использованная литература:

1. Петрова Ф. Тотальное одиночество Донны Тартт. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/226469/top-donna-tartt> (дата обращения: 05.11.2024)
2. Тартт Д. Маленький друг / пер. с англ. А. Завозовой. – М., 2016. 640 с.
3. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. – М., 2015. 827 с.
4. Шалимова Н.С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-initsiatsii-kak-invariantnaya-forma-romana-vozpitaniya> (дата обращения: 21.09.2025)
5. Brown M. Donna Tartt: ‘If I’m not working, I’m not happy’ // The Telegraph. 2013. 9 Dec. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/10505597/Donna/Tartt-If-Im-not-working-Im-not-happy.html> (date of access 05.11.2025)

